

Иван САБИЛО

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022

Сабилу Иван Иванович родился в 1940 г. в Минске. Образование высшее, спортивно-педагогическое (институт им. П.Ф. Лесгафта). Преподавал в ВВМУ им. Фрунзе (ныне Морской корпус Петра Великого). Автор 20 книг прозы. Первая книга «Пробуждение» вышла в Ленинграде в 1977. По ней в том же году Лентелевидение поставило 2х серийный фильм-спектакль с тем же названием (в ролях Нина Мамаева, Павел Панков, Марина Левтова...) Лауреат Всероссийской литературной премии им. Ф. Абрамова, премии Правительства Санкт-Петербурга, победитель Международного конкурса интеллектуальной литературы им. А. Зиновьева и др. Заслуженный работник культуры РФ. На Ленинградском, Белорусском радио и на Радио России инсценированы его многие рассказы и повести. Живёт в Москве и Петербурге.

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Рассказ

Светлане Голубевой

Дом Вали Макаровой и её мамы Анны Владимировны стоит в небольшой деревушке на берегу речки Сони. Не сказать, чтобы старый, но и молодость свою он пережил давным-давно. Построил его почти сорок лет назад Валин дед, сельский столяр Владимир Николаевич. Сюда из роддома привезли Анюту – будущую Валину маму. Здесь же, двадцать лет спустя, у неё, выпускницы библиотечного техникума, появилась на свет Валя и стала жить с мамой, дедом и бабушкой Полей. Отца у Вали не было, а про её маму некоторые деревенские усмешливо говорили, что она свою малышку «в подоле принесла».

Мама не сетовала. Выхаживала дочку, помогала ей рассказами о писателях и книгами для внутреннего, как она говорила, наполнения. И работала библиотекарем.

Росла Валя не по дням, а по часам, бегала в школу, в соседнее село. Тонкая и прозрачная, как стрекоза, она училась лучше всех. И мечтала стать врачом, или воспитательницей в детском саду, или библиотекарем, как мама. Иногда интересовалась, отчего у других девчонок и

мальчишек есть отцы, а у неё нету. Мама отвечала, что её отец умер ещё до того, как она родилась. Валя спрашивала, где он умер, на каком кладбище похоронен. А мама отвечала, что он «не телом умер, а только для меня, и я о нём даже думать не хочу. – Откуда же тогда моё отчество Алексеевна? – От бабушкиного папы Алексея Михайловича. Бабушка твоя Полина Алексеевна и ты Алексеевна».

Дед Владимир, слушая их, морщился и говорил, что её так называемый отец прохвост и гуляка; и благо, что его нет. Ещё он говорил, что не нужно ей никакого отца, у неё мать завидная – таких поискать надо. И наставлял хорошо учиться и всегда требовать от себя больше, чем от других. А бабушка, в прошлом колхозный счетовод, внушала ей, как нужно включать голову, чтобы счастье от тебя не отвернулось. «Помни о своей женской сущности, – говорила она и смотрела на внучкин живот. – Включай голову, и она сделает тебя счастливой женщиной и матерью. А не включишь – беда!»

Подрастающая, но всё ещё наивная Валя, однажды спросила: «Так выходит, что, если бы

моя мама «включала голову», то я бы и не родилась? – Как не родилась?! – ахнула бабушка. – Твоя мама дождалась бы такого человека, который сначала женится, а уж потом заводит детей».

К неизбывной скорби Анны Владимировны и Вали, бабушка и дедушка умерли, когда Валя переехала в город учиться. И дом опустел.

Сюда они навевывались редко, а жили в городе, занимая крошечную комнатку у подслеповатой старушки Михайловны. Они помогали ей с хозяйством и с едой, и денег с них за жильё она не брала. Анна Владимировна по-прежнему работала в библиотеке при Доме культуры, а Валя заканчивала медицинский колледж по программе «сестринское дело».

Часто вечерами они делились впечатлениями ушедшего дня и строили планы. Последнее время главным в их планах было накопить денег, когда Валя станет медсестрой, взять кредит и построить себе двухкомнатную квартиру. При этом ни мама, ни дочка не собирались продавать деревенский домик. Однажды мама, словно бы в шутку, высказалась определённо: «Никогда не отказывайся от своего отечества и отчий дом не продавай».

– Я этого и в голове не держу, – сказала Валя. – Нам он ещё пригодится.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты замуж выйдешь, захочется пожить отдельно.

Мать рассмеялась и погладила её по голове.

– Теперь, я думаю, скоро ты замуж выйдешь и станешь мамой, а я бабушкой. Из меня выйдет неплохая бабушка, я столько всего знаю, столько прочитала!

В июне Валя окончила колледж и стала дипломированной медсестрой. Ей предоставили две недели отдыха, после чего она должна приступить к работе в хирургическом отделении городской поликлиники. Мама предлагала ей похлопотать о путёвке в дом отдыха, но Валя сказала, что отправится в деревню, так как давно соскучилась по родине. Утром в субботу положила в сумку еду на два дня, лифчик и плавки для речки, а наверх по совету матери – «Мастера и Маргариту». Села в автобус на заднее сиденье и покатила.

Июнь в этом году выдался на редкость солнечным и тёплым. Лето набирало силы, густо зеленели травы и листья, а вечно молодое солнце не жалело тепла для радости и спокойствия всего живого. Отсюда Валино настроение, и ещё оттого, что она теперь не просто ученица, а настоящий медик, и в скором времени приступит к работе.

Народу в автобусе немного, есть даже свободные места. Она поместилась у левого окна. У правого – старушка с плетёной корзинкой на коленях. Между ними два свободных места. Чуть впереди женщина в розовой панамке, с маленьким сыном на руках. Мальчик что-то лопочет, но отсюда не разобрать, хотя понятно, что он в хорошем настроении и ему нравится ехать. Слева старик с большой серой бородой, читает газету и слегка подкашливает. Дальше несколько женщин, двое мужчин и широкоплечий парень в джинсовой куртке, что сидит к ней спиной, и смотрит в стекло водителя.

Она попробовала читать, но автобус трясло, строчки разбежались, и книгу пришлось отложить. Лучше просто ехать, поглядывать на бегущие за окнами деревья и думать обо всём, что само приходит в голову. Вспомнила мамины слова насчёт дочкиного замужества и будущих внуков. Хорошие слова, укрепляющие, только преждевременные, – ей нет и двадцати. И, как говорится, и «партнёра» пока ещё нет, чтобы явились внуки. Были мальчишки в школе и в колледже, которым она нравилась. Даже целовать её пытались, но безуспешно – она хорошо помнила бабушкины слова, как нужно «включать голову», чтобы счастье от тебя не отвернулось.

Парень с широкими плечами оглянулся, долгим взглядом посмотрел на неё, ухватил за лямку толстый чёрный рюкзак и пересел к ней.

– Привет, землячка! Решила нас навестить?

Она не ответила, продолжала смотреть в окно.

Вот и её остановка. Здесь, в полукилометре от шоссе, домик под белой шиферной крышей и с голубыми окнами. Она вышла, а вслед за ней выскочил и парень – выше среднего роста, и то ли завитой, то ли на самом деле кудрявый. Закинул рюкзак за спину и предложил нести сумку.

- Спасибо, не тяжёлая.
- Испугалась, что убегу?
- И это не исключено, – сказала она.
- Да ты что! Разве я похож на...
- Мне кажется, вы сошли не на своей остановке.
- Так и есть, надо бы на следующей. Но твои...

Простите, ваши чары...

– Давайте без похвальбы, – сказала она и остановилась. – Если мне не изменяет память, а она мне пока что не изменяет, следующий автобус через полтора часа.

Он тоже остановился. Улыбается, не моргает. Глаза карие, брови чёрные, широкие, нос прямой, узкий; смотрит в глаза и молчит. И у неё нет нужных слов, чтобы расстаться. Но, кажется, нашлись.

- Ладно, можете проводить до дому.
- Наконец-то! – обрадовался он, шагая рядом. – Живёте здесь или в гости?

Валя на мгновение задумалась – отвечать или нет. Но раз провожает, можно ответить. И она сказала, что живёт, но училась в городе, и часто сюда наезжала. В особенности, когда были живы бабушка и дедушка.

– Гоша Строев, – назвался он и протянул руку. – А вас как?

- Вообще-то на улице я не знакомлюсь.
- И правильно, и не надо. Но здесь, как видите, не улица, а просёлок, так что можно.
- Спасибо, что разрешили. Валентина. К тому же Макарова.

– О-о, знатная фамилия! Был такой наш адмирал Макаров. Японцы его убили в Порт-Артуре.

– Да, мне мама рассказывала. И я читала.

– В общем, знатная фамилия. Интересно, чем же девушка занимается при такой классной фамилии?

- А вы?
- Дома строю. В прошлом году закончил в Питере Архитектурно-строительный университет и ставлю себе памятники в виде домов.

- Много уже поставили?
- Нет, пока один. Но большой, восемнадцать этажей.

– Неплохо. И где его можно увидеть?

– Дак в Санкт-Петербурге, на улице Савушкина, что рядом с Финским заливом. Скоро будут заселять. Похоже, и мне в нём выделяют однушку. «А

пока что живу в общежитии, наслаждаясь своей мечтой, – знаете такую песенку? – Никакого не сделал открытия, но оно, несомненно, за мной». Теперь ваша очередь признаться. Судя по внешнему виду, вы школьница?

– Ещё чего! – вскинула она голову. – А дипломированная медсестра, не хотите?

– Вы что-о?! Это ж моя самая любимая женская профессия. Лучшая в мире! Ну, автобус! И ему как-нибудь памятник поставлю.

– Тоже восемнадцать этажей? – рассмеялась она.

– Нет, по числу окон. Сколько их в автобусе? Десять? Двенадцать? Но даже, если сто! За встречу с вами не жалко!

Подошли к дому, Валя остановилась.

– На этом всё. Благодарю, что проводили. Вам на автобус.

– Ещё чего! Пешком дойду. Мой дом на той стороне Сони, за мостом. И родители там. Я тут рос и, странно, что тебя не видел. Слушайте, давайте на «ты»? А то, как чужие, или старые.

– Хорошо, разрешаю вам на «ты», а я буду вас на «вы». Хотя всё это не имеет значения, потому что мы расстаёмся.

Гоша кивнул, будто соглашаясь, а сам потянул калитку и шагнул на двор.

– Стойте! Я не позволяла. Иначе сама пойду на остановку.

– Ну, Валечка, зачем вы? Так хорошо всё складывается, а вы...

– Хорошо складывается, когда двое этого хотят. А я не хочу.

Гоша усмехнулся и повертел головой. Он смущён и расстроен несговорчивостью девушки, хотя бы и землячки. И чего так упирается, он же к ней со всем уважением. А что, если иначе? Он же ничего о ней не знает. И она тоже. А можно ли общаться с человеком, которого не знаешь?

– Скажите, у вас был когда-нибудь парень, с которым вы... ну, встречались, дружили?

– Нет. Ещё вопросы?

– Я так и понял. Вы дикая, неприрученная. Вам Бог посылает меня. И, может быть, на всю жизнь.

Валя присмотрелась к его лицу – молодое, по моде щетинистое. И загоревшее. Строители немало времени проводят на открытом воздухе,

отсюда загар. И вьющиеся волосы посветлели от солнца, красивые.

– Что вы этим хотите сказать? Если дикая, тогда чего же вы здесь?

Гоша вернулся на улицу и закрыл калитку.

– Такого ещё не было со мной.

В сумке у Вали заверещал телефон. Звонила мама.

– Да, мам, приехала. Подхожу к дому... Обязательно. И на речку схожу. Да, и тебе позвоню... Ну да, парень в автобусе ко мне подсел, теперь провожает... Нет, дикий такой, неприрученный... Зачем?.. Ну, если надо, пожалуйста, – она протянула Гоше телефон. – Мама хочет вам что-то сказать.

Он взял, поздоровался. Посмотрел на Валию. И стал отвечать:

– Дак понравилась... Гоша я. Да, Георгий Строев. И профессия у меня строительная... Ага, фамилия помогла определиться. Сам удивляюсь... Конечно, если Валечка согласится... Мне ваш голос нравится, вы, наверно, хорошо поёте... Ладно, не буду. Ваша дочка тоже против похвалы... Ага, передаю.

Валя взяла телефон:

– Что ты скажешь?.. Не волнуйся, он строитель... Конечно, мамочка. Обязательно! – И Гоше: – Мама хочет, чтобы я пригласила вас к нам. Вам это надо?

– Ещё бы! Скакать буду до потолка. Здесь нет потолка, значит, до неба!

– Экий вы резвый.

– Я же говорю, такого со мной ещё не было.

– И со мной. Пока что никто не провожал меня от автобуса.

– Ага, сочувствую. А хотите ближе познакомиться? Если вы не приглашаете меня, то я могу вас пригласить. У меня отличные родители, они будут рады увидеть такую девушку.

Валя не ожидала подобного жеста, но и отказываться не стала.

– Хорошо, только оставим сумку. Я привезла еду, можем взять.

– Не надо, у меня полный рюкзак.

Вошли в дом – свежо, пахнет сеном. Слева русская печь, закрытая заслонкой с широкой ручкой. Справа кухонный стол и полка с посудой. Рядом холодильник, который Валя тут же под-

ключила к розетке. Возле окна большой стол с четырьмя стульями, а сверху, в углу – иконки Иисуса Христа и Богородицы с младенцем. У правой стены большой светлый шкаф с длинным зеркалом на дверце. У левой стены, под цветными покрывалами, две широких кровати. Между ними – закрытая дверь в горницу.

– Вся мебель дедушка сделал сам. И дом тоже.

– Выходит, мой коллега! – обрадовался парень.

Гоша оглядел убранство дома и дёрнул за лямку рюкзака:

– Вина хотите? У меня есть «Каберне».

Валя опустила сумку на пол и, оглянувшись, предупредила:

– Ещё один такой вопрос, и я откажусь от вашего приглашения.

– А чё я такого сказал? Я ж от всего сердца.

– От всего сердца спиртное не предлагают.

– Ладно, понял. Похоже, вы не только медсестра, но и воспитательница из детского сада.

Валя не скрыла улыбки:

– Здесь вы попали в самую точку. Я когда-то думала, что стану или воспитательницей, или медсестрой, или библиотекарем. У меня мама библиотекарь. Умнейшая женщина!

– Ну, сама работа обязывает. А кто отец?

Валя переставила сумку ближе к столу и, не глядя на гостя, сказала:

– К сожалению, умер до того, как я родилась. Но мой дедушка не любил его, и сильно критиковал.

– Суровый дед был?

– Ещё какой! Вы заметили, что в доме нет телевизора? Бабушка говорила, что мой будущий дед в перестройку развалил его топором.

– Вообще, топор – символ строительства, а не разрушения. Но за что?

– Дескать, гадость и враньё показывал. А ему нужна красота и правда.

– Какая была жизнь, такую и показывал. Если бы показывал, что другое, то было бы ещё большим враньём.

Валя подумала, что в первую встречу нельзя быть излишне откровенной и сама спросила у Гоши о его родителях. В кармане куртки у него зазвонил телефон.

– Приехал, приехал, мамочка. Скоро буду. – И отключил. – Батя ветеринаром пашет и вроде

как в долю птицефермы входит. Но есть проблема, – он тронул пальцем шею. – При том, что нельзя, был инсульт. А мама в бухгалтерии птицефермы, покрепче здоровьем.

Валя переместила продукты в холодильник и ещё раз предложила взять с собой колбасу или сыр. Но Гоша снова отказался, и они вышли из дому.

* * *

Тропа по кустистому берегу неширокая, но утоптанная. Сначала шли по её сторонам, и было удобно разговаривать. Потом, когда трава стала гуще и выше, он пропустил Валю вперёд, и оба замолчали. Гоша поглядывал на мелькавшую за кустами голубую речку, переводил взгляд на Валю и любовался её высокой шеей, цветастым, редким для наших дней, платьем, светлым хвостиком волос, перетянутых синей лентой. В куртке у него зазвонил телефон. Он взял и весело доложил:

– Приехал, мам, приехал... На остановку раньше вышел из-за девушки, скоро будем. По речке гребём, наше бухалово видим... Да, мама, а что?.. Может, вчера слегка гульнули?.. Хорошо, хорошо. Постараемся.

– Вы с мамой так? Она тоже любительница?

– Упаси боже! На семью и одного заслуженного борца с бутылками многовато. Отец ещё спит, хотя уже второй час. Что-то неладное, мама просит быстрее.

Они перешли мостик и вскоре входили в Гошину деревню, что уютно расположилась на пологом холме у реки.

– «Малая родина», – вытянул он руку. – Только одного не понимаю: если родина-мать, то как же она может быть малой?

Валя никогда не задумывалась над смыслом этого выражения и не знала, что ответить. И задала встречный вопрос:

– А сами вы как думаете?

– По логике, малая родина – простор, который ты можешь преодолеть пешком в любую сторону. А большая – всё остальное, от границы до границы.

– Вы и ответили, – согласилась она. – И я так думаю, хотя до этого никогда не вникала. Некоторые всю жизнь проводят на малой родине, а до большой и дела нет. Есть и такие,

что считают своей родиной весь мир, всю планету.

– Бетонно сказано и знаю, о ком: безземельные космополиты! Или Ивановы, не помнящие родства.

– Нет, я думаю, с Ивановыми не так. Они не признают и не помнят своих родственников. Ну, там, братьев, сестёр, тёток, дядек. На родину у них такое не распространяется.

Она говорила это и удивлялась, как складно выходит. Не ожидала от себя подобного раздумия. Как будто не своё говорит, но тогда чьё? Или дело в Гоше, который незаметно наводит её на такие тонкости?

– Интересно, – сказал он. – Мне даже с университетскими девушками не доводилось вести подобных разговоров. Может, вы не только медсестра, но и кандидат наук?

– Да, по распознаванию похвальбы. Сказала же, не надо, а вы опять за своё?

– Случайно, случайно. Вот моя избушка, вот мой дом родной! – показал он большой добротный дом за красным деревянным забором и толкнул калитку.

– Как зовут ваших? – спросила она.

– Мама Александра Ниловна, отец Павел Петрович.

Вошли в сени, а дверь на кухню открыла Александра Ниловна.

– Сынок приехал, заходите, дорогие! Папа что-то не просыпается... Какая с тобой девушка хорошенькая!

– Валеи зовут, – сказал Гоша.

– Здравствуйте, Александра Ниловна! – Валя чуть заметно кивнула. – Что с Павлом Петровичем?

– Будить пыталась. В скорую звонила, должны приехать.

– Лимон есть?

– Да, и не один, – обрадовался Гоша и полез в рюкзак.

– Выдавите из половинки в стакан и добавьте воды. А я посмотрю на Павла Петровича.

– Медсестра, – представил её Гоша.

Она воспользовалась рукомыльником, вытерлась и вошла к Павлу Петровичу. На широкой деревянной кровати лежал крупный мужчина, с бледным лицом, густыми вьющимися воло-

сами и большими руками, брошенными на одеяло. Посчитала пульс, обернулась к Александре Ниловне. Гоша принёс наполненный водой и соком стакан. Передал матери.

– Сейчас Гоша приподнимет отца за плечи, а мама постарается напоить, – сказала она и вышла. Остановилась у окна, прислушалась.

– Выпей, миленький, и проснись. Пора, два часа. Ночь будет, тогда сны свои досмотришь. А теперь хватит, мы просим.

Павел Петрович молчит, и Вале показалось, что он так и не проснётся. И вдруг раздался хриплый кашель и густой бас:

– Не хочу, не буду кислятину! Сами пейте. Не буду!

Валя глубоко вздохнула и присела на стул. К ней выскочил Гоша, но не успел ничего сказать – приехала скорая. Вошёл высокий врач с коричневым саквояжем. Мельком взглянул на Валю:

– Доброго дня! Вызывали?

Гоша показал ему, где пациент, и быстро заговорил:

– Да-да, за что просим прощения. Папа только что проснулся. Кажется...

– Креститься надо, если кажется, – посоветовал врач и направился к Павлу Петровичу. Ему рассказали, что произошло. Он стал мерить давление и слушать виновника вызова:

– Даже не знаю, доктор, как моим стукнуло в голову врача вызывать. Вчера с друзьями слегка отметили наступление лета, сегодня

дольше поспал. А мои подумали, скончался. Так ведь? – посмотрел он на жену.

– Мы его лимонным соком с водой разбудили, – сказала Александра Ниловна. – Девушка подсказала.

– Давление высокое, – установил врач. – Советую больше не отмечать наступление чего бы то ни было. А то может случиться отступление туда, откуда уже не возвращаются. Однако до новой встречи.

Выйдя к Вале, спросил, как она догадалась напоить лимонным соком.

– Почему догадалась? Нас учили. Только что окончила медколледж.

– Хвалю за необходимую медику толковость. На работу устроилась?

– Да, в городскую поликлинику.

– Привет ей и поздравление по случаю новой сотрудницы. Однако, пора, – сказал он и покинул дом.

Гоша принёс отцу шлёпанцы и тот поднялся. Александра Ниловна взяла за руку Валю и не удержалась:

– Спасибо, дочка. Я рада, что у сына такая светлая, такая хорошая девушка. Сейчас будем обедать. Щи сварила и котлетки есть.

Ещё никогда Валентина не волновалась так, как сейчас. Даже губу прикусила. Но увидела, как легко, без поддержки, выходит из комнаты Павел Петрович, и улыбнулась.

Петербург 2022 г.

